ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ОБЛИКА УСТЬ-ИВАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Аннотация. В работе проведен анализ находок, обнаруженных на Усть-Ивановском могильнике и имеющих облик, характерный для изделий центральноазиатского типа. Даны описание облика и технологий изготовления серег и гарнитуры поясного набора, таксономический анализ обнаруженных на памятнике поясных бляшек и пряжек. Представлен результат технологического исследования археологического текстиля. Особое внимание уделяется поиску аналогов и иных проявлений (и отдельных элементов) тюркской материальной культуры на территории Амурской области, северной части КНР и центральной части Сибири, по которым определяются культурно-хронологическая принадлежность подобных находок, а также пути и принципы их появления.

Ключевые слова: Усть-Ивановский могильник, серьги, поясной набор, таксономический анализ, технологический анализ, шелк, кожа, троицкие мохе, тюркская материальная культура, удила, поясные бляшки, пряжки.

N.E. Kushnarev

*Blagoveshchensk State Pedagogical University
nekitkushnarev@mail.ru*

INTERPRETATION OF ARCHAEOLOGICAL FINDS OF THE CENTRAL ASIAN APPEARANCE OF THE UST-IVANOVSKY BURIAL GROUND

The work analyzes the finds found on the monument of the Ust-Ivanovsky burial and having the appearance characteristic of products of the Central Asian type. A description of the appearance, manufacturing techniques of earrings and a set of the belt set, a taxonomic analysis of the belt plaques and buckles found on the monument are given. The result of technological research of archeological textiles is described. Particular attention is paid to the search for analogies and other manifestations (and individual elements) of the Turkic material culture in the territories of the Amur Region, the northern part of the People's Republic of China and the central part of Siberia, according to which the cultural and chronological affiliation of such finds is determined, as well as the ways and principles of their appearance.

Keywords: Ust-Ivanovskiy burial ground, earrings, belt set, taxonomic analysis, technological analysis, silk, leather, Troitskaya group of Mohe, Turkic material culture, bit, belt buckles.

Археологический памятник Усть-Ивановский могильник располагается в пойме левого берега р. Ивановки у с. Усть-Ивановка Благовещенского района Амурской области. Его исследование было проведено в 2016 г. Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области совместно с сотрудниками Амурской лаборатории археологии и этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, с привлечением студентов и специалистов Благовещенского государственного педагогического

университета и Института истории, культуры и туризма Хэйлунцзянского университета (КНР).

В 2013 г. памятник получил значительные повреждения во время катастрофического наводнения: с поверхности была смыта часть почвенного слоя, который защищал памятник от разрушения. В ходе проведения работ на наиболее разрушенном водой и пашней участке размером 342 м² были обнаружены и раскопаны 52 ямы, из них погребений с кост-

ными останками человека — 37, захоронений с несохранившимися костными останками, но с погребальным инвентарем — 8, ям, не содержащих археологических предметов и костных останков — 7. Исследованные погребения делятся по способу захоронения на первичные (3 могилы) и вторичные (34 могилы). В 10 могилах были встроены деревянные рамы-обкладки, перекрытые досками и укрытые пластами бересты. Они были сожжены в ходе погребального обряда, но до захоронения костей человека, животных и вещей [Волков, Нестеров, Болотин др., 2016, с. 556].

Всего в ходе раскопок было обнаружено 412 предметов. Большую часть коллекции (48%) составляют разрозненные фрагменты керамических сосудов, относящихся к троицкой группе мохэской культуры [Деревянко, 1977, с. 110]. Из общего числа артефактов 12% — это украшения и элементы одежды: пряжки, серьги, браслеты, бусины, поясные бляшки, пронизки, нашивки. Украшения изготовлены из бронзы, серебра, железа. Часть из них имеют облик, характерный для центральноазиатских изделий тюркского типа [Овчинникова, 1990, с. 24–26].

В Приамурье большое значение для датировки памятников, относящихся к раннему и развитому Средневековью, имеют изделия из бронзы, в особенности поясные накладки тюркского облика. Типы изделий и их художественное оформление отражают запросы и интересы различных этнических, социальных и религиозных групп. Изученные бронзовые предметы показали, что наиболее информативными для сравнения являются серьги, поясные гарнитуры и их элементы.

Серьги на данном участке памятника представлены 4 экземплярами. Серьги подобного типа отливались из бронзы в двухсторонних формах, что подтверждается наличием необработанного литейного шва. Данные украшения можно характеризовать как серьги без подвески, имеющие шпенок в верхней части (а также «ребрышко»), либо вырез в нижней части [Кубарев, 2005, с. 61]. Данная технологическая традиция сформировалась в районах, значительно более западных, чем центральная часть Приамурья [Конькова, 2005, с. 154]. Вероятно, первоначально они представляли собой серьги с подвесками, которые были впоследствии утеряны, но не исключено, что отсутствие подвески в нижней части серьги является самостоятельной выработанной локальной особенностью изготовления серег. Выделить четкие правила ношения серег довольно проблематично, так

как все обнаруженные экземпляры являются непарными, одиночными, *in situ* находились в хаотичном расположении с остальным погребальным инвентарем, что обусловлено особенностями погребального обряда, поэтому невозможно определить пол погребенного (в двух случаях из четырех в могиле отсутствовали костные останки). Характер оформления, а также материал серьги могли свидетельствовать о богатстве и социальном статусе человека. Аналогичные украшения, изготовленные из золота, серебра и бронзы, встречаются на Троицком кладбище и памятнике Падь Прибрежная [Деревянко, 1977, с. 121–122; Древнее искусство Приамурья, 2012, с. 20, рис. 37–39].

Изучение элементов поясной гарнитуры выявило типичный технологический тюркский стиль изготовления тонкостенных полых накладок, характерных для значительных пространств Евразии [Конькова, 2005, с. 154]. Элементы поясного набора, обнаруженные на памятнике, представляют собой украшения, состоящие из бляшек пяти видов: прямоугольных, квадратных, округлых, овальных с прорезами для продевания ремней, а так же бляшек сердцевидной формы. Большинство бляшек являются пустотелыми, псевдомассивными, создающими впечатление объема. Прикреплялись бляхи к поясам штифтами, сквозными заклепками, загибающимися изнутри усиками или округлыми ушками. Штифты блях, продетые сквозь ремень, с его обратной стороны приклепывались либо припаивались к пластине. Фактически в задачу мастера входила не только отливка определенного количества блях, поясных наконечников и пряжек, но и их закрепление на кожаной основе, то есть полное изготовление пояса. Бляхи оправы имеют в нижней части прорезы, преимущественно прямоугольной формы, через которые пропускали подвесные ремешки для ношения различных мелких предметов (кресало, трут, нож и т. д.). Металлический поясной набор включал пряжки, среди которых на Усть-Ивановском кладбище выделено два типа. Это пряжки с неподвижной рамкой и щитком-обоймицей, которые крепились к ремню двумя штифтами на лапках (при этом конец ремня пропусклся под щиток-обоймицу), и пряжки шарнирные с подвижными рамкой и щитком. Металлические элементы набора выполнены из бронзы с использованием технологии литья по воску с потерей формы — такая технология была распространена в Евразии второй половины I тысячелетия [Кубарев, 2005, с. 53].

Опираясь на подобные формы наборных поясов древних тюрок Алтая, автор предполагает престижность использования поясного набора тюркского типа в приамурской среде на определенном социальном уровне. Тюркский поясной набор был известен в Китае в эпоху Тан. Китайский ученый XI в. Шэнь Ко в китайском костюме VI–X вв. выделяет так называемые варварские элементы и к их числу относит «пояс со свешивающимися ремнями». Он следующим образом описывает назначение накладок наборного пояса: «...свисающие вниз ремни предназначаются для подвешивания лука, меча, платка, сумки или точила. Позднее ремни перестали подвешивать, но бляхи по-прежнему сохранились. Бляхи, через которые пропускали ремни, это то, что ныне называют «накладкой на пояс» — дайкуа» [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 156]. Таким образом, в Китае первоначальная форма пояса со временем изменилась, и бляхи, имевшие определенное функциональное назначение, превратились в элемент декора. Само по себе это предопределило и изменение материала, из которого изготавливались накладки. Раньше, как сообщает словарь «Чжэнцзы-тун», чиновники 1–2 ранга имели право носить пояса с золотыми накладками, 3–6 рангов — из кости носорога, 7–9 рангов — серебряные, а простолюдины — железные. Позднее их стали делать и из такого высоко ценившегося китайцами материала, как яшма. Соответственно, в Приамурье поясной набор для элиты местного общества выступает как военный трофей, как почетный дар или как результат обмена. Такие украшения могли производиться в крупных ремесленных центрах и поставляться в зависимости от спроса в те или иные регионы [Нестеров, Алкин, 1999, с. 153–156].

Элементы поясного набора, обнаруженные на Усть-Ивановском могильнике, сравнивались с аналогичными поясами памятников Барбургазы II, Ак-Кобы III и Балык-Соок I, Каменный Лог, которые располагаются на Алтае и в Новосибирской области [Кушнарев, 2017, с. 225–226]. На основе таксономического анализа определения сходства объектов по признакам, при котором сравнивается каждый объект с каждым, выявлен высокий показатель сходства объектов. По таким признакам, как: наличие пряжек прямоугольной или квадратной форм, с подвижной или неподвижной рамкой, бляшек с закругленной или срезанной нижней частью, сегментовидной, сердцевидной формы с фестончатыми или продольными краями, а также

бляшек типа лунниц; наличие наконечников ремня; материал набора; технология создания металлических элементов; мотив декорирования; датировка, — значение показателя сходства составляет 0,77, или 77% (Каменный Лог), 0,76, или 76% (Барбургазы II), 0,62, или 62% (Ак-Кобы III), 0,68, или 68% (Балык-Соок I). Среднее арифметическое значение данных показателей составляет 0,71, или 71%.

Аналогичные бронзовым изделиям Усть-Ивановского могильника украшения пояса известны из Троицкого могильника. Здесь элементы поясного набора тюркского типа встречены в погребениях №№ 27, 40, 80 и 82. Три из этих погребений являются вторичными захоронениями с использованием деревянной обкладки могилы и одно — без таковой. На Усть-Ивановском могильнике из трех могил, где были встречены предметы тюркского типа, две — вторичные захоронения с использованием деревянной обкладки [Кушнарев, 2017].

Особого внимания заслуживают элементы конского снаряжения. На памятниках Усть-Ивановского (могила № 14) и Троицкого могильника (могилы №№ 26, 43) они представлены двукольчатыми удилами, звенья которых имеют восьмеркообразное окончание. Появление таких удили, по мнению Б.Б. Овчинниковой, относится к позднему этапу древнетюркского периода (вторая половина VII — середина VIII в.) — раннему этапу уйгурского периода (вторая половина VIII — начало IX в.), т. е. времени существования в Центральной Азии Второго тюркского (до 745 г.) и Уйгурского каганатов, а их широкое распространение происходит в IX–XI вв., Именно на рубеж уйгурского периода приходится появление элементов поясного набора определенных типов и форм, которые представлены в материалах Усть-Ивановского и Троицкого могильника.

Фрагменты текстиля на памятнике представлены двумя обрывками ткани из могилы № 10. Они *in situ* располагались в соприкосновении с бронзовыми бляшками поясного набора. Окисление бронзовых изделий выступило консервантом, благодаря чему ткань смогла сохраниться. Остатки ткани были смяты, имели множество утрат, отличались хрупкостью и тонкостью [Кушнарев, 2018, с. 339].

Один фрагмент состоял из 4 отдельных частей. Его общий размер 48×26 мм. Две части изготовлены из кожи и, вероятно, являлись элементами кожаного пояса, который был украшен поясными бляшками и пряжками. Другие две части представляют собой фрагменты тка-

ни. На основе микрохимического исследования волокон по типу их сгорания и определения реакции выделяющихся при этом газообразных продуктов разложения выявлено, что ткань состоит из волокон шелка [Федорович, 1965, с. 125]. Структура волокна находится в хорошей сохранности, является ненарушенной. Ткань двухсторонняя, то есть не имеет ярко выраженных признаков лицевой или изнаночной стороны. Скорее всего, эти фрагменты ткани были окрашены отваром корней морены с добавлением солей олова в качестве закрепителей красителя на ткани. Нить основы — шелк (цвет черный, темно-коричневый, местами коричневый, с S-круткой, нити одиночные, непарные), толщина нити 1,1–1,2 мм. Нить утка — шелк (цвет черный, темно-коричневый, местами светло-коричневый со слабой Z-круткой, нити одиночные, непарные), толщина нити — 1,2–1,3 мм. Плотность ткани — 45/35 н/см.

Второй фрагмент, также разрозненный, состоит из 12 отдельных частей разного размера. Общий размер фрагмента — 34×43 мм. Все части являются единым обрывком шелковой ткани. Структура волокна не нарушена, кроме краев фрагмента, где отсутствуют нити основы. Вероятно, эти фрагменты ткани были окрашены в желтый цвет с помощью химического вещества лутеолин, которое получают из резеды. Нить основы — шелк (цвет светло-коричневый, коричневый, зелено-коричневый, с S-круткой, нити одиночные, непарные), толщина нити 0,9–1 мм. Нить утка — шелк (цвет светло-коричневый, коричневый, зелено-коричневый, с Z-круткой, нити одиночные, непарные), толщина нити 1–1,1 мм. На шелковых волокнах этого фрагмента в большом количестве обнаружены продукты окисления бронзы. Плотность ткани — 43/36 н/см.

Тип ткацкого переплетения шелковых фрагментов — полотняное. В обоих случаях ткань однослойная: работает одна система нитей основы и одна система нитей утка. Фактически здесь наблюдается шелковая ткань полотняного переплетения — тафта. Ткань тафта выработана из шелковых нитей с очень слабой круткой или совсем без нее, что является показателем китайских традиций в шелкоткачестве. Шелк, несомненно, являлся главным стержнем экономики и политики стран, причастных к шелководству, шелкоткачеству и торговле шелком, на протяжении почти тысячелетия. Обнаруженные шелковые ткани на Усть-Ивановском могильнике свидетельствуют о развитых торговых и политических

связях, включивших мохэ в единую систему средневекового мира, связывая их и с танским Китаем и с тюркскими племенами. Однако не исключен и среднеазиатский регион происхождения шелка [Федотова, Синицына, Орфинская и др., 2015, с. 78].

Возможность появления данного материала из Китая имеет высокую долю вероятности. В китайских средневековых источниках «Суй шу», «Бэй ши», «Цзю Тан шу», «Синь Тан шу» наблюдается процесс накопления китайскими хронистами знаний о «северо-восточных варварах», их расселении, обычаях, географии и др. В данных литературных памятниках наибольшее внимание уделяется племенам шивэй, и хронисты указывают на сходство обычаев шивэй и мохэ. В «Цзю Тан шу» о них пишут так: «[Их страна] удобна для разведения собак и свиней. Выкармливают их и едят, а их шкуры употребляют для выделки кожи. Мужчины и женщины делают из них одежду...» [Кюннер, 1961, с. 38]. Исходя из этого, можно предположить, что кожаные фрагменты исследуемого объекта № 1 изготовлены из свиной кожи. Однако на Усть-Ивановском могильнике обнаружены останки животных, предположительно вида *Sus scrofa* Linnaeus, 1758 — кабан, или вепрь, или дикая свинья. На данный момент из общего количества останков идентифицировано 405 костных фрагментов животных, из них 338 принадлежит свинье [Волков, Черемкин И.М, Черемкин М.И., 2017, с. 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Д.П., Черёмкин И.М., Черёмкин М.И. Фаунистические останки Усть-Ивановского могильника // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. — Вып. № 7. — С. 66–68.
- Волков Д.П., Нестеров С.П., Болотин Д.П., Коваленко С.В., Савченко Т.П., Крючко Е.И., Мамуль Я.М., Кулигина С.Е., Шульмин Р.А. Спасательные археологические раскопки Усть-Ивановского могильника в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. — Т. XXII. — С. 555–558.
- Деревянко Е.И. Троицкий могильник. — Новосибирск: Наука, 1977. — 224 с.
- Древнее искусство Приамурья. 2-е изд. перераб. и доп. — Благовещенск: Изд-во Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, 2012. — 32 с.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Ки-

тайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М: Наука, 1984. – 336 с.

Конькова Л.В. Раннесредневековые бронзы и этнокультурные процессы на юге Дальнего Востока России // Археология и естественнонаучные методы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 149–158.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.

Кушнарёв Н.Е. Тюркский элемент в материалах памятника Усть-Ивановка, грунтовый могильник-1 // Материалы LVII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. – С. 225–227.

Кушнарёв Н.Е. Технологическое исследование археологического текстиля Усть-Ивановского могильника // L Урало-Поволжская археологическая конференция сту-

дентов и молодых ученых. – Самара: Самарский университет, 2018. – С. 338–342.

Кюнёр И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М. Изд-во восточной литературы, 1961. – 587 с.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 1999. – Вып. 2. – С. 153–176.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 221 с.

Федорович Е.Ф. Методика исследования археологических тканей // Советская археология. – 1965. – № 4. – С. 124–133.

Федотова Ю.В., Синицына Н.П., Орфинская О.В., Визгалова М.Ю. Реставрация и исследования археологического текстиля периода Золотой Орды из захоронения булгарской женщины (конец XIV в.) // Поволжская археология. – 2015. – №3 (13). – С. 74–91.